

Надежда Нелидова

Бегляночки и розочки

КНИГА 2

ГОСПОДИН ЭКСПРОМТ

Все истории в этой книге основаны на реальных событиях. Все героини — женщины. Дурнушки и красавицы. Почтенные жёны, опустившиеся на дно жизни, и превратившиеся в алкоголичек и бомжих — и унылые старые девы, взлетевшие на Олимп любви. Наивные девочки, зарабатывающие на трассе на кофточки со стразиками — и светские львицы. Красотки уверены, что они играют мужчинами, но сами оказываются игрушками в руках мужчин.

Настолько, что некоторые из них ради любимого самца становятся матерями-детоубийцами.

Надежда Нелидова ГОСПОДИН ЭКСПРОМТ КНИГА 2. БЕГЛЯНОЧКИ И РОЗОЧКИ

БЕГЛЯНОЧКИ И РОЗОЧКИ

Провинциальный добронравный городок, на первый взгляд — сонное болотце. Закопчённые заводы, трюхающие по разбитым дорогам пассажирские автобусы, пыльные улицы под арками из вековых деревьев. В уик-энд город вымирает: почтенные отцы и матери семейств разъезжаются по огородам.

Кажется, в этой тихой заводи рынок секс-услуг нужен — как козе баян, попу гармонь, собаке пятая нога, рыбе зонтик и так далее. А вот поди ж ты, несколько лет здесь активно функционировала сеть подпольных мини-публичных домов. Клиент, выражаясь рыбацким языком, пёр пёром, неопытные кадры не справлялись, Хозяин рвал и метал.

О ХОЗЯИНЕ

Почему с большой буквы — потому что под его крышей трудились около десятка хозяев мельче. Кто знают Хозяина (далее со слов свидетелей), отмечают его лидерские качества, умение наперёд просчитывать ходы, заводить нужные знакомства. Баллотировался в депутаты, но не набрал голосов.

Сидел в местах отдалённых. И хотя статья была незначительная, завоевал авторитет в криминальном мире. Успешный менеджер, он просто не мог пройти мимо, не заметить зияющей, прямо-таки возмутительной ниши в городском рынке услуг — отсутствие сервиса интимного характера... Непорядок. И немедленно, деятельно и скрупулёзно, как за всё брался, он стал заполнять пробел. Жаль, городок мал — не развернёшься.

Агентурой являлись: таксисты, горничные, охранники, администраторы гостиниц и развлекательных центров. Рабочая зона: съёмные квартиры, сауны, мотели, бани, гостиницы, номера в клубах, гостевые домики. Документы у посетителей не спрашивались, дабы не нарушать конституционных прав граждан на отдых.

Были напечатаны визитные карточки: телефоны и название фирмы на фоне грациозного

обнажённого женского силуэта — простенько и со вкусом.

Среди обслуживающего персонала (девушек по вызову) соблюдалась жёсткая дисциплина. Униформа (эротическое бельё), питание, такси, средства предохранения, медосмотры и лечение — за личный счёт.

При приёме на работу — собеседование, ознакомление с условиями труда. Правило номер один: клиент всегда прав. Если клиент не прав, см. правило № 1.

Рабочее время с 6 вечера до 6 утра. Выходной — воскресенье. Ожидание вызовов — строго в такси на городской площади или в съёмной «жилой» квартире. Оказание услуг в последней настрого запрещено: кошка где живёт, не гадит.

В рабочее время категорически запрещён приём алкоголя и прочих наркотических веществ. Запрещено давать клиентам номера своих телефонов. Запрещено встречаться с клиентами вне рабочего времени и места, и самим вести денежные расчёты.

Почасовая такса: вагинальный секс — 600 руб., орально-вагинальный — 700. Налог Хозяину с каждого сеанса — 60 процентов, то есть на руки выходило 250–300 рублей. За утаивание доходов — штраф. За невыход на смену без предупреждения — штраф. За отказ от работы —

штраф. За побег — бесплатная отработка в течение двух недель либо неустойка (отступные) в размере 30–60 тысяч рублей.

Откуда брались числа с нулями? Очень просто: время от времени девушек тасовали, перебрасывая из одной конторы (филиала) в другой. На новом месте работы разъясняли: мы за тебя прежним хозяевам выложили кругленькую сумму, теперь ты принадлежишь нам. Клетка захлопнулась.

Рассматривался ещё вариант: хочешь уйти — завербуй на своё место юную наивную глупышку, а лучше двух.

Сто лет назад «ремесло Розы» (изящный оборот французов) в России было узаконено. О быте дореволюционных проституток мы знаем, в основном, из «Ямы» Куприна и «Воскресения» Толстого.

Известно, что тамошние барышни получали от заведения шёлковые повседневные и бальные платья, украшения и косметику. Сладко и жирно — также за счёт заведения — кушали: пухленькие пользовались особым спросом. В пост готовились постные, в скоромные дни — мясные блюда. На еде не экономили: при публичном доме жили раздобревшие на кухонных помоях собаки.

Вечера сопровождалась музыкой и танцами, костюмированными балами, приглашением цыган, ездой на тройках. Каждую неделю барышень осматривал доктор, благосклонно при этом шутил.

Для современных же девчонок самыми мучительными были именно посещения женской консультации. Врачи кожей чувствуют «таких» пациенток. По признанию одной девушки, «к нам относились хуже чем к скотине. Позорили так, что в коридоре было слышно. Наверно, ветеринары коров бережнее осматривают...»

В «Яме» умеренное возлияние вин и шампанского поощрялось. Девушки раскручивали щедрых гостей на покупку спиртного из местного буфета («Мужчина, угостите даму абрикотином») и имели с этого неплохой процент. С одной стороны, девицы слабее — спивались. С другой стороны — проявлялась своеобразная гуманность: в замутнённом сознании не так стыдно и мерзко ложиться с козлами в постель.

У ямских девушек была своя прислуга. Те, кто хитрее, сколачивал капиталец. Как ни крути, пока что сравнение явно в пользу «ямных» девушек. Это к сведению современных ханжей, с благородным негодованием, с пеной у рта выступающих против легализации проституции.

А она, пока суть да дело, в последние годы в России приобрела индустриальные масштабы.

Это благодаря ханжам тысячи девушек объявлены вне закона. Бесправными рабынями XXI века, они оказываются в полной власти таких хозяев и хозяйчиков. Сколько их, насмерть замученных, исчезли по стране бесследно — статистика умалчивает.

Да, что ещё отличало наших героинь от купринских жриц любви: те представлялись слащавыми дурацкими Аделинами и Розалиями — чтобы было «красивше».

Наши девчата прятались за неприметными, незапоминающимися «Ирами», «Анями», «Ленами». Как будто хотели сохранить в чистоте хотя бы свои имена. Вообще, они точно старались уменьшиться, сжаться под ощупывающими похотливыми мужскими взглядами. Отработать свои мятые жалкие бумажки — и быстрее сгинуть, стереться из памяти.

Взять, скажем, несовершеннолетнюю Дашу.

МАЛОЛЕТКИ

Родной отец удивился, узнав, что она живёт под боком. Думал, она вообще где-то в другом городе. «Помогать ей у меня не было средств», — признался папаша, здоровый мужик, который мог бы хоть овощи в огороде выращивать и подбрасывать по осени дочке. И она ушла из

училища, потому что на стипендию в 600 рублей немудрено помереть с голоду.

А тут подружка похвасталась новой майкой — топик. Блестя глазёнками, поделилась, как на него заработала. У Даши тоже заблестели глаза: стало интересно «попробовать». Честно предупредила хозяина, что ей четырнадцать лет.

— Ты мне ничего не говорила, — отрезал тот. — Если менты наедут — я знать не знаю, что ты несовершеннолетняя.

Всё оказалось не так радужно, как рисовала подруга. Помимо разных расходов и вычетов, на еду оставались копейки. Однажды клиент расщедрился: за ночь утех отвалил полторы тысячи. Тысячу она тут же дала хозяину.

За одну ночь бывало от одного до трёх вызовов. С непривычки её выворачивало от отвращения. Заметила за собой, что на улице с ненавистью исподтишка наблюдает за представителями мужского пола. Садятся в крутую машину такие все из себя солидные дядечки в костюмах, галстуках, в окружении супруг и детишек. А у самих, небось, в голове одни мерзкие, грязные пакости. Фе-э...

Несколько раз Даша ударялась в бега. Её вылавливали телефонными звонками, заталкивали в машину, осыпая матом, а порой и тумаками. «Клиент заждался, мне что, самому, что ли, с

ним...?! Учти, счётчик на тебя тикает. Будешь фордыбачить — избыю до полусмерти. Вывезу на дамбу и утоплю».

Настя закончила восьмой класс. В честь этого события упросила маму взять в кредит сотовый телефон. Когда на семейном совете прикидывали, как будут расплачиваться, важно сказала, что это не проблема. Сейчас у них будет куча денег, потому что она устроилась работать путаной. Мама пришла в ужас, а дочь демонстративно начала собирать вещи: «Не вмешивайся!» — «Ну что я с ней могла сделать?!»

Настя приходила под утро подавленная, вымотанная. Ни о какой куче денег речи не шло. Как-то рассказала, что озверевшие клиенты долго её не отпускали. Она отпросилась в туалет и под шум спускаемой воды позвонила хозяину — тот её вызволил.

В пятнадцатый Настин день рождения мама позвонила хозяйке и сообщила, что у той работает её несовершеннолетняя дочь, и она об этом факте заявит в милицию. Хозяйка сразу выгнала Настю.

ТУРЧАНКИ

В селе скучно, клуб закрыт, и школьница Оля по пятницам приезжала в город, в развлекательный

центр. Там познакомилась с парнем. Он предложил помочь с поездкой за границу: мир посмотрит, себя покажет, денег подзаработает. Например, в Турции. Кем поработает, не уточнял. Но горячо уверял, что всем, кто бывал в Турции, очень понравилось, прямо рвутся назад, отбоя нет: мёдом им там намазано.

У Оли как раз под расписку были взяты деньги, а долг отдавать нечем. Согласилась. Лишь по прибытии в отель узнала, что продана в бордель.

О рабочих моментах вспоминать не любит. Только обронила, что для обслуживания горячих турецких парней нужно иметь лошадиное здоровье. Закуривая, уточнила: «Лошади Пржевальского. Обычная не выдержит». Ей повезло, что была задержана полицией и депортирована домой.

История, один в один: вечер, музыка, табачный дым, вино. Юная сельчанка познакомилась с парнем, завсегдаем городского клуба, трепались о том-о сём. Обронила, что любит детей, и он загорелся: «А давай устрою няней за кордон. У меня есть выход на Турцию». Так как будущей бэби-ситтер не исполнилось 18 лет, она уговорила маму оформить согласие через нотариуса.

В Турции в аэропорту её встретил турок с беременной русской женой Оксаной. Она ещё

подумала, что это в их семье будет работать няней. Но её отвезли в отель в номер, где жили русские девушки.

На следующее утро Оксана повела её по магазинам подбирать шмотки. Там и открыла, каким ремеслом ей придётся заняться. Что тот парень-вербовщик из родного городка продал им её за хорошие деньги.

— Я была в шоке. Устраивала истерики, дралась с гостиничным персоналом.

Два дня её вместе с девушками вывозили на заказы. А потом вдруг поселили в маленькой уютной квартирке. Выяснилось: она понравилась состоятельному клиенту, и он выкупил её для индивидуального пользования. Пять месяцев она жила только с ним. После чего он её пожалел, выкупил и помог вернуться на Родину. Может, правда, а может, легенда, с которой легче жить дальше.

МОСКВИЧКА

Это раньше профессия штукатур-маляра считалась не престижной. Нынче на вахте на Севере они зарабатывают до ста тысяч. Ксюшину розовую северную мечту подрезала аллергия на краску, которая выявилась при поступлении в училище.

Пошла торговать фруктами в ларёк. В первый же вечер в подсобке её прижал владелец ларька. Она оттолкнула его, он оскорбился: «Слюшай, за ворот десыт тёлык хотят на твой месты». Потом был второй хозяин...

Знакомый парень предложил Ксюше поработать в Москве:

— Знаешь, сколько в столице профессионалки зарабатывают? Озолотишься, на всю жизнь себя обеспечишь.

— Мне ещё нет шестнадцати, — предупредила она.

— Без разницы.

Ей купили билет по чужому паспорту с очень похожей на неё фотографией. На Ярославском вокзале встретила женщина и сразу повела на электричку.

В подмосковном городе в квартире уже жили четыре её землячки. Работали на трассе. С четырёх вечера выезжали на точку, выстраивались на обочине. «Мамочка» сразу предупредила, что бежать бесполезно: милиция и посты ГИБДД куплены в радиусе пятистах километров. Она врала насчёт милиции: в ходе очередного рейда Ксюшу задержали и доставили в распределитель. Так она вернулась домой.

В кафе — случайно или нет — оказалась за одним столиком с другим парнем, который рассказал о своём «бизнесе». Оказывается, их затхлый городишко давно был продвинут и раскрепощён в этой сфере! И она предложила свои услуги.

Сауны, номера, душевные салоны автомобилей — пропахшие потом, дешёвой туалетной водой и табаком. Клиенты: иногда сразу по трое-четверо, иногда откровенные старперы. Однажды, под хмельком, Ксюха с издёвкой спросила у одевающихся мужчин: «Что, жёны не устраивают?» У всех на безымянных пальцах были обручальные кольца. Один из них подмигнул:

— Знаешь, лучше в компании лакомиться молодым цыплёнком, чем в одиночестве жевать старую курицу.

Иногда всё осточертевало так, что она сбегала из ненавистой квартиры, пряталась. Хозяин звонил и ласково предупреждал, что найдёт беглянку из-под земли и отделает так, что мало не покажется. А не поумнеет — вывезет на дамбу и утопит. Кто её хватится, кому она нужна, шлюха подзаборная?

БУНТАРКА

Бабушка воспитывала сначала Юлю, а когда у Юли родился малыш — водилась с правнуком. Когда бабушка умерла, Юле пришлось бросить школу и устроиться работать в городскую больницу, санитаркой на полторы ставки.

Во-первых, решился вопрос с ночлегом — спала на кушетке в закутке с вёдрами и швабрами. С едой — выручали жидкие больничные супы и каши. Врачи закрывали глаза на то, что пока Юля добросовестно драила тряпкой этажи, рядом крутился тихий мальчик. Сердобольно подсовывали бумаги и карандаши: рисуй. Жалели, поили в ординаторской чаем, угощали конфетами и шоколадками, которые дарили пациенты.

На руки Оля получала около шести тысяч рублей. Ах, с каким наслаждением рядом с сутенёрами я бы увидела на скамье подсудимых тех, кто допускает в стране такие преступные зарплаты! Самое там им место.

— Ты что, дура — пластаться за гроши?! — поразилась молодая соседка, с которой Юля ждала автобус в деревню. — Вон, на руки страшно смотреть — хлоркой изъедены (хвастаясь, повертела перед Юлиным носом ярким изумрудным маникюром). Знаешь, сколько наших

(она перечислила окружные деревни и сёла) нашли здесь непыльную работёнку?

Сколько раз Юля сбегала с непыльной работёнки — не хватит пальцев на руках пересчитать. Штрафы, субботники, удары кулаком в лицо, угрозы завести на дамбу и утопить. Снова штрафы и бесплатные отработки, угрозы расправиться с бабушкой и сынишкой. У хозяина она возглавляла чёрный список.

Юля покорила только тогда, когда Хозяин пообещал открыть сынишке, чем занимается его мамочка. «Только не это!!»

Однажды её с другими девчонками привезли в сауну на берегу пруда. «Контрактник в увольнительной... Хочет развлечься». Вышел обмотанный полотенцем мускулистый парень — и выбрал её на два часа. За час они управились, а в оставшееся время она, впервые найдя искреннее сочувствие, плакала и рассказывала за жизнь.

— Юля мне сразу очень понравилась, — заявил он, выступая свидетелем в суде.

Они стали встречаться на стороне (грубейшее нарушение трудовой дисциплины). Прикидывали, откуда взять 60 тысяч отступных. Он уехал по месту службы, а она продолжала скрываться, несколько раз её насильно возвращали. Отработки — побеги — отработки...

Но вот служба позади, они сняли домик на окраине города. К тому времени в милицию просочились сведения о притонах. И закрутилось: контрольные закупки девушек, задержания в клубах, засады у съёмных квартир, аресты, допросы.

Сейчас Юля занимается домашним хозяйством, воспитывает сына. Встречает мужа с работы, ночью прижимается к нему и... боится.

Боится, что соседи и знакомые мужа узнают, чем она занималась... Что кто-нибудь раскроет глаза сыну. Изредка, в магазинах или на улице, она сталкивается с бывшими товарками по «ремеслу Розы»... И видит в их поспешно отводимых глазах тот же мутящийся панический страх.

...И, РЫДАЯ, ЖЕНСКАЯ СЛЕЗА МЕДЛЕННО ПО КОФТОЧКЕ ПОЛЗЛА

В «Модном приговоре» Эвелина Хромченко подала очередную крылатую фразу, вмиг загулявшую по стране:

— Плоская подошва в обуви — признак домохозяек и олигархов.

— ... И ещё — длинноногих женщин! — с превосходством парировала Тая, вытягивая свои

нескончаемые ноги и шевеля узкими балетными ступнями. Она могла себе позволить носить туфли без каблуков и вызывающе перечить главному эксперту моды. Потому что с возрастом у женщины меняется всё: характер, лицо, кожа, волосы, голос... Только длина ног никуда не девается: ни убавить — ни прибавить.

Это нынче ногами от ушей никого не удивишь. А в годы Таинной юности они были редкостью. Муж, будучи впервые допущенным к телу, в первую очередь бросился целовать её ноги. Утолив страсть, признался: «Сначала влюбился в них, а потом уже во всю тебя».

Впрочем, штамп о замужестве из Таинного паспорта быстро исчез. Одним знакомым она кратко ответила: «Не сошлось». Другим: «Не склеилось». Третьим — «Не срослось». Тая не была болтлива и не нуждалась ни в чьей жалости.

Полюбила дождливыми вечерами ходить на вокзал. Там царил особый уют неустроенности: все мечутся либо потерянно сидят на чемоданах. Все немножечко пришиблены, как маленькие заблудившиеся дети. У всех временно выбита почва из-под ног, все выдернуты из привычных мирков. Это состояние было близко Таинному душевному раздраю.

Но все, в конце концов, с облегчением вернутся домой, в тепло родных стен. Устало

распакуют чемоданы, сядут под уютный жёлтый или зелёный абажур, заварят чай. А значит, и у Таи всё утрясётся, и она однажды причалит к пристани под названием Семья.

У Таи — ноги, у соседки Софки — носик.

Как бельевая пуговка с двумя мелкими дырками, он был зацементирован упругими щёчками, похожими на подушечки-думки. И шествовал по жизни этот Неунывающий Вздёрнутый Носик, не смотря ни на какие невзгоды. Главная из которых — пьющий муж. С первой брачной ночи он колотил и тряс Софку, как спелую грушу.

Корешам во дворе рассказывал, как приятно бить бабу: кулак погружается в тело, будто в мягкое упругое тесто. Разгорячаешься,ходишь в раж, возбуждаешься — от кайфа прям в штанах встаёт, ей-богу. Кровь ударяет в голову — и ты, сопя, сладко постанывая, дубасишь её, толстомясую сволоочь — не в силах оторваться, пока не оттащат.

Им ведь, бабам, и не больно, поди... Как сквозь подушку. Вон, его Софка от побоев только пухнет да добреет. Похнычет для вида, утрёт юшку — и потопала доить свою корову, такую же рохлю и дуру толстую, как она сама.

Все боялись Софкиного мужа и не вмешивались в семейные дразги. Он недавно отсидел и вынес с зоны непонятные, опасные

ругательства. «С-с-скотобаза!» — процедит сквозь красную сочную губу. Или: «Г-г-голубятня!» Ёмко, смачно, вроде не матерно — а жутко.

Приходил участковый, журил, составлял протоколы. Прописывал штрафы, за которые Софке же и приходилось платить. Она была подёнщицей, убиралась по чужим домам, помогала в огородах, не отказывалась от самой грязной работы.

На робкие попытки Софки подать на развод и на раздел дома — муж кратко обещал: «Убью». Он не врал: его родной брат подкараулил жену, которая выходила из мирового суда — и пырнул «розочкой». Дали семь лет, отсидел пять. Дети — в детдоме, жена — в сырой земле. Софке очень не хотелось в сырую землю.

Поколотит муж — корова Дочка её мокрое, солёное от слёз и кровоподтёков лицо тянется облизать. Раздув ноздри, шумно, жарко, влажно выдохнет: «Ф-фух! Терпи, хозяйка. Такая наша женская планида».

Софка доила Дочку, из молока сквашивала сметану, откидывала творог, топила в печи вкуснейшую ряженку, била домашнее мягкое масло — всё на продажу. Тем и жили. Корова была молочная, молоко давала жирное, сладкое, вкусное. На него образовалась очередь из соседей и дачников.

Тая в Софкиной молочной очереди по праву стояла первая: ближняя соседка. Это она была в курсе бурных соседских разборок, она бесстрашно оттаскивала разъярённого мужика от растрёпанной Софки. Несмотря на Софкины мольбы не делать этого, вызывала участкового. Шумела на него: «Толку от вас, даром, что в фуражках. Женщину защитить не можете!»

Как ни странно, Софкин муж побаивался единственного человека на свете — Таи.

Итак, я уже говорила, ничто не влияет на длину женских ног. Ну, разве что с возрастом их может попортить полнота и варикоз. Полнота длинноножке Тае не грозила, а вот вены... Под некогда шёлковой кожей точно прошли тяжёлые бои: бугрились лиловые окопы и рытвины, переплетались причудливые голубые ручейки. Некрасиво и очень больно. Сказывались 25 лет работы на ногах — Тая работала парикмахером.

Она отыскала адрес столичной клиники, где ногам возвращали былую красоту. Убирали уродливые вены и даже отяжелевшие с возрастом коленки подтягивали, ушивали — делали гладенькими, девичье-лёгкими. Операция стоила денег.

На глаза попалась реклама кооператива «Народная касса «Выручалово». Ею пестрел весь

город, все придорожные баннеры, все газеты. Хорошие проценты — и название какое хорошее, забытое, надёжное. Из советских бескорыстных времён, где человек человеку был друг, товарищ и брат, выручал последней копеейкой.

Тая сняла со сберкнижки, унесла в кооператив всю сумму. Стала ждать: когда накапает обещанная денежка, и когда подойдёт очередь на операцию к знаменитому столичному доктору. Она только ему решалась доверять свои выдающиеся ноги.

Долгожданный день настал, из клиники прислали вызов. Как раз вышел срок вклада. В кооперативе её огорошили: денег нет, когда будут — неизвестно. И не шумите тут, не шумите. Ой, напугали. Да хоть к самому Путину обращайтесь.

— Деньги где-то крутятся, — предположил адвокат. — Осели в чужих карманах надолго. Если не навсегда.

Тая пришла в изумление. Оказывается, времена МММ никуда не ушли. Многочисленные дети Мавроди всю копошились и шуршали по всей стране.

Она объявила кооперативу «Выручалово» войну. По совету адвоката, сколотила группу таких же обманутых вкладчиков — в отличие от боевой Таи, оказавшихся робкими и пассивными. Привлекла внимание общественности, выступив в газете и на телевидении. Засыпала шквалом

письменных жалоб всевозможные приёмные администраций, партий, комитетов, общественных советов, надзоров — иначе для чего их столько расплодилось?

Отовсюду исправно, строго в течение положенных 30 дней, поступали письма в белоснежных плотных конвертах, с солидными пометками:

«Правительственное», «Президентское»... Ответы были напечатаны на блестящей мелованной бумаге, что свидетельствовало об отличной канцелярской оснащённости контор. Все дружно посылали Таю в одно место на три буквы. В суд.

Суд состоялся. Обязал «выручаловцев» вернуть Тае её вклад. Судебные приставы сходили в кооператив и предсказуемо вернулись с пустыми руками: по документам, народная касса была пуста. Имущество учредителя предусмотрительно записано на жену и тещу. Помещение арендуется. Описать можно разве что компьютерный стол и пару ноутбуков.

Всё, приехали. Тая осталась на бобах, с лиловыми бугристыми ногами и болью, плюс образовавшейся на нервной почве бессонницей, давлением и подскочившим сахаром.

— Подобные конторки, — объяснил адвокат, — прежде чем открыться, хорошенько юридически подковываются. Не подкопаешься.

Тае и Софке — обеим сорок с хвостиком, обе бездетные. Тае аукнулся первый бездумный аборт: хотелось с мужем пожить для себя. Софку в медовый месяц так поколотил муж — она выкинула и больше не беременела.

Соседки встречались, каждая выговаривалась о том, что болит. Софка: что муж совсем озверел. Недавно Дочку по вымени пнул кроссовкой — у той чуть не начался мастит. Софка массировала вымя, втирала смягчающие мази, раздаивала. Обе, корова и хозяйка, плакали от боли и обиды.

Тая раньше бы вспыхнула, как порох, побежала орать, махать кулачками, вправлять мозги отморозку. А сейчас лишь рассеянно кивала, думая об одном и том же, одном и том же...

Убей, не могла понять: вот на улице цыганка выманит сто рублей — уже мошенница. По квартирам ходят продавцы дешёвых медицинских и бытовых приборов — им грозит до шести лет. А тут — исчезли, как в чёрной дыре, как в Бермудском треугольнике, кровные, по копеечке собранные сотни тысяч — и ничего! А есть обманутые на миллион! А есть бабушка, которая в «Выручалово» с каждой пенсии носила по двести рублей: хотела лечить слепоту. Тоже не пожалели, кинули!

При этом председатель кооператива разъезжает на новенькой (тёщиной) ауди,

отделывает богатый особняк, записанный на жену. При встрече с Таей улыбается, как голубой воришка Альхен: ай-яй, мол, неувязочка вышла.

Судья мягко, сочувственно объясняла Тае: вы добровольно заключили гражданско-правовой договор, верно? Никто вас в кооператив на аркане не тащил. Под дулом автомата подписывать документы не принуждал. Все штампы и печати на месте — чего вы хотите? Тая хотела деньги обратно. Пускай хоть без процентов — подавитесь. А вот тут — пардоньте: форс-мажорные обстоятельства.

В соседнем зале как раз шло заседание: судили почтовичку. Она насмотрелась, что творится вокруг, и решила тоже сама себе стать кассой. Бойко ссужала деньги одним знакомым, у других брала под проценты. Подпольная пирамида росла, ширилась, разбухала. Почтовичка запуталась, задолжала крупные суммы. Ей грозил серьёзный срок.

А надо было всего-то: зарегистрироваться как ИП, нанять в штат бойкого юриста, отстёгивать налоги, взять в долю государство — и всё было бы чики-пуки. Кидай кого хошь и насколько хошь — закон надёжно крышует. Глупая, глупая почтовичка!

За забором Софкин муж на крыл щипал уцелевшие струны разбитой гитары. Выдавал очередной перл тюремной лирики:

— *И рыдая, женская слеза-а*

Медленно по кофточке ползла-а!

— Развылся, котяра не докастрированный, — не выдержала Тая. Она развешивала во дворе бельё. — Кофточка прорезиненная тебе, что ли: слезе по ней ползти? Дурак.

— Ково?!

— Тово!

И снова из-за забора — надсадно, надрывно: «*И рыдая, женская слеза...*»

Кто первый обмолвился: «Ну, тут если **смотрящий по городу** не поможет — больше никто не поможет»? Едва ли не Софкин муж — под пьяную лавочку. Опустившая было крылышки, Тая ожила, встрепенулась, взвилась, вцепилась, как утопающий хватается за соломинку:

— А как его найти?! Этого... **смотрящего** ?

Она помнила детский восторженный стишок: «Я буду вперёдсмотрящий, вперёд далеко смотрящий...» Была такая романтическая морская профессия, о которой мечтали мальчишки. А сейчас вон оно как...

— Ну, не знаю... Станет он, поди, пачкаться за твои гроши. Так просто на него и не выйдешь. Попробуй через таксистов, что ли, — мямлил

Софкин муж. Он уже жалел, что распустил язык. Предостерег: — Если, конечно, твоё «Выручалово» не подсустилось и раньше тебя *смотрящего* не подмаслило.

На Таины просьбы таксисты реагировали по-разному. Ухмылками, глумливым свистом, пожиманием плечами. Интересом во взглядах. Игривой просьбой поделиться, что подвигло женщину на столь отчаянный шаг. И лишь один серьёзный, усатый водитель такси обещал отвезти куда следует. На панели у него была табличка «Воронцов В. И.».

— Деньги — тлен, — сказал он, выслушав по дороге Таину историю.

Тая вспыхнула:

— Я не деньги — я справедливости ищу. Наказать вору, чтоб по городу нагло не разъезжал.

— Это не справедливость. Это месть, — и повторил: — А деньги... Деньги — тлен.

— А что не тлен?

Водитель долго сумрачно молчал.

— Всё на свете бы отдал, чтоб жену и внуку воскресить. Автобус, в котором ехали, в аварию попал... Прибыли, выходи.

Тая вышла... у собственного подъезда. Таксист привёз её, откуда забрал!

— Давай, дамочка, не ищи приключений на пятую точку, — посоветовал усатый. — Думаешь — там Робины Гуды орудуют, с честью и совестью? У кого больше денег и силы — того и правда. Как везде.

И уехал.

Кто ищет — тот всегда найдёт. Когда Тая совсем отчаялась, на вокзале откликнулся похожий на студента-ботана таксистик. Вежливый, щуплый, в очках, в мальчиковой курточке. Сказал условие: Тайна просьба будет рассмотрена за комиссионные.

— Четверть от взысканной суммы, — расщедрилась Тая.

— 50 процентов, — вежливо улыбнулся ботаник.

Офигеть. Но торжество справедливости того требовало. Чертыхаясь, долго кое-как наскребала по знакомым. Влезла в страшные долги, взяла кредит в банке. В назначенный час привезла деньги — в полиэтиленовом пакете, в газетке — всё это дело перетянуто резинкой. Отдала — без расписки, без ничего. Ботаник шустро выхватил свёрток и умчался — а она всё стояла, как вкопанный столб.

— Вот дура, а?! Думала, обожглась — теперь-то никто не облапошит. А тебя снова сделали. Мальчишка, ботаник сделал. Балда, так тебе и надо. И номер машины не запомнила.

А хоть бы запомнила — что толку? Прав, ах, прав был усатый!

Время лечит, и Тая почти смирилась с потерей денег. Только иногда задумывалась и хлопала себя по бёдрам, обзывая Балдой Балдишной. Софка, украшенная очередным чернильно-фиолетовым синяком, ей горячо сочувствовала.

— Не убивайся, Таечка. Попей вон лучше парного молочка.

Сама дожёвывает кусок хлеба с солью — заедает стресс. Муж изводит: зарежь да зарежь Дочку. Да как она свою рогатую подружку, кормилицу-поилицу под нож пустит?!

— А вот говорят, — мечтала Софка, — есть такой закон, чтобы мужьям за пять километров к жёнам не приближаться. Нарушил хоть на малюсенький сантиметр — в тюрьму... Я бы племянников из детдома забрала. Зажили б!

— Это не у нас, это за границей закон, — хмуро говорила Тая.

Соседский невесёлый разговор прервал звонок на Таин мобильник. Сладенький девичий голосок пригласил Таисию Павловну в народную кассу.

— Кооператив «Выручалово», — пропищал голосок, — рад сообщить, что ваш, Таисия Павловна, вклад с причитающимися процентами будет перечислен на сберкнижку, либо на карту,

Таисия Павловна, либо выдан наличными в день обращения. Ждём вас, уважаемая Таисия Павловна!

ЭПИЛОГ

Тая расплатилась с долгами. Съездила в столицу, где ей виртуозно удалили лишние вены и подтянули коленки. Из надоевших джинсов и кроссовок она снова перебралась в туфельки на шпильках и узкие юбки-карандаши, столь любимые Эвелиной Хромченко. С операцией помог «В. И. Воронцов» — усатый таксист Василий Иванович, ныне Таин законный супруг.

А Софкин муж по-прежнему изводит жену, грозит зарезать корову. Василий Иванович ходил с ним разбираться по-мужски — да сам оказался больно горяч, едва разняли. Того гляди, попадёт под статью за нанесение тяжких телесных увечий. У нас быстро разбираются с такими защитниками.

Тая подговорила Софку, и подружки отправились на вокзал караулить ботаника.

— Тю, бабы, совсем сдурели. Корова какая-то! — возмутился ботаник, развернулся — и только его видели. Но Софка очень надеется на положительное решение вопроса. Потому что газетный свёрточек с комиссиянными она успела-таки, исхитрившись, ловко метнуть на заднее сиденье такси.

Мечтает: проснётся однажды к утренней дойке — а мужа рядом нет. В радиусе пяти километров вообще нет. А есть только Софка и корова Дочка. И племянники за занавеской посапывают. Трава росистая, зорька клубничным вареньем в небе разливается. Корова в стойле мычит: хозяйке радуется.

Господи, дышится-то как легко! Какой малой малости человеку для счастья надо!

БЕЛЛА ДОННА

«— Мур-мур-мур, малышка!

— Муррррр, любимый!

— Чем занята, любимая? Ты сытая? Иди в душик.

— Ксюшка спит, я в кровати, родной.

— Давай спи, любимая, мы трещать можем до утра.

— Усё, сплю. Сладких снов! Позвонишь?

— Не хватает тебя на плечике... Ты моя любовь».

Виртуальное влюблённое воркование. Можно подумать, чатятся семнадцатилетние голубки, на худой конец — молодожёны. А они уже в возрасте, у Татьяны шестилетняя дочка от первого брака,

которую Григорьев любит как свою, хочет удочерить.

Как они познакомились. Начинаящая бизнесвумен Татьяна по объявлению пригласила программиста. Пришёл Григорьев. Григорьев в прошлом боевой офицер, служил в горячих точках. Там получил травму глаза, росла опухоль. Татьяна серьёзно переживала за его здоровье. Когда случались приступы, дежурила у постели, бросалась в аптеку за лекарствами — была для него скорой помощью.

Григорьев трогательно за ней ухаживал, выгуливал её собаку... Он трижды делал ей предложение, она трижды отказывала. Слишком разочаровал первый брак, после которого она решила, что надеяться в жизни можно только на себя саму. А с мужчинами... так, допускать лишь лёгкий флирт.

Да и Григорьев не казался тем человеком, с которым можно разделить судьбу. Когда предложила просто жить вместе, не расписываясь — от отчаяния загремел с микроинсультом в больницу. Следствие всё той же боевой травмы. Сердце дрогнуло: может, это и есть любовь, о которой пишут книги, снимают кино?

Татьяна — успешная 26-летняя предпринимательница. Начинала с нуля, с

челночных баулов, с распространения косметики по конторам. На дверях контор красовались ксерокопии — образец плоского офисного юмора: «Вход с грязными ногами, с собаками, а также дистрибьюторам и дилерам дамского белья и косметики строго запрещён! Штраф 500 000 рэ!!»

Вот так: им что собака, что дилер... Сейчас у Татьяны свой уютный магазинчик, пусть крохотный, пусть на окраине города — доживём и до сверкающих салонов на центральных улицах. Освещённые мягкой розовой подсветкой, в стеклянных витринах толпятся флаконы с туалетной водой, коробочки с кремами и макияжем известной итальянской фирмы. Под ногами пружинит ковролин, пахнет изысканными духами и хорошим кофе, которым угощают постоянных покупательниц. Над входом неоновая вывеска «Белла Донна», что значит: прекрасная госпожа.

Татьяну за глаза называют Белла Донна. На таких бешено обращают внимание: роскошная, высокая, статная. Распахнутые серо-зелёные глаза, модные крупные, припухшие губы. Ухоженная, молочно-белая, точно излучающая сияние кожа. Блузка туго, соблазнительно обтягивает высокую грудь.

Королева в короне ослепительных белокурых волос. К таким мужчины побаиваются подойти: слишком опасно, гордо, вызывающе несут они свою